

Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770—1774 гг.

Г.А. Гребенщикова

«Секретно. Из Адмиралтейской коллегии немедленно подать Нам рапорт: 1-е. Сколько она к будущей весне кораблей и прочих судов надежно в море снарядить может, какой бы вояж ни был предписан. 2-е. Заложенные здесь и у города Архангельска четыре корабля поспеют ли к будущей кампании, и буде не поспеют, то зачем именно. Екатерина. 16 декабря 1768 года»¹. Указ императрицы свидетельствует о начале подготовки «вояжа», для осуществления которого Адмиралтейской коллегии (Адмиралтейств-коллегии) предписывалось снабдить и вооружить корабли Балтийского флота. К моменту подписания указа Екатерина II уже в течение шести лет находилась на российском престоле. За это время в провозглашенном ею внешнеполитическом курсе произошли большие перемены. Принятая в 1764 г. военная доктрина России, согласно которой ее основным противником на море являлась Швеция, претерпевает резкое изменение, и место Швеции занимает Турция. Взоры императрицы устремляются на Польшу (участие в ее разделах) и на Черное море (получение права свободного прохода российских торговых кораблей через Проливы). Чтобы помешать осуществлению этих планов турецкий султан Мустафа III, поддерживаемый Францией и Австрией, 25 сентября (6 октября) 1768 г. объявляет России войну.

Весной 1769 г. императрица поручает вице-адмиралу Г.А. Спиридову начать подготовку «секретной экспедиции», а Адмиралтейств-коллегии — всячески ему в этом помогать. В монографии «Россия и Черноморские проливы» указывается, что «идея экспедиции, скорее всего, принадлежала Алексею Григорьевичу Орлову, и его поставили во главе дела». В одну из задач флота, по мнению авторов, входила «поддержка военных действий греческих повстанцев»². Однако, как показывают документы, проблема Первой Архипелагской экспедиции 1769—1774 гг. не проста.

В 1768 г. в связи с открытием боевых действий по инициативе Екатерины II был образован Совет при Высочайшем Дворе. Первоначально в его состав вошли граф К.Г. Разумовский, князь А.М. Голицын, граф П.И. Панин, граф З.Г. Чернышев, граф П.И. Панин, князь М.Н. Волконский, граф Г.Г. Орлов, князь А.А. Вяземский. В протоколах заседаний Совета подробно отражены все важнейшие процессы внутренней и внешней политики России. В них фиксировались и «разбирались» рапорты, донесения («реляции») главнокомандующих армиями, адмиралов, генерал-губернаторов, послов («ми-

Гребенщикова Галина Александровна — кандидат исторических наук, Санкт-Петербург.

нистров») и других высших военных и гражданских лиц государства, и принимались по ним решения. Состав Совета был настолько авторитетным и компетентным, что императрица, лично присутствуя почти на каждом заседании, как правило, безоговорочно подписывала вынесенное его членами решение.

4 ноября 1768 г. в присутствии Екатерины II на заседании Совета рассматривалось «мнение графа Григория Григорьевича Орлова». Оно заключалось в предложении «не нужно ли послать под видом вояжа в Средиземное море несколько судов, а оттуда учинить диверсию неприятелю, но чтоб сие сделано было с согласия английского Двора»³. Уже через два дня на следующем заседании Совета (6 ноября) императрица «благоволила объявить свое соизволение об учреждении экспедиции, которая должна с сего числа план в действо производить». Совместными действиями флота и сухопутных сил предполагалось отвоевать у Турции острова греческого Архипелага и оттянуть туда значительную часть турецкой армии с основных театров военных действий. Столь масштабный проект, прежде всего, нуждался в идеологическом обосновании и требовал крупных финансовых затрат.

В том же ноябре 1768 г. состоялось еще два заседания Совета, на которых тема экспедиции облачалась в конкретную идеологическую форму. В протоколе от 12 ноября записано, что «Г.Г. Орлов читал свое мнение об экспедиции в Средиземное море..., о том, чтобы отправить к народам, в турецкой области живущим, нашего закона для разглашения, что Россия принуждена вести с турками войну за закон», а 27 ноября президент Военной коллегии граф Чернышев предложил сформировать особый греческий легион, который смог бы, во-первых, пополнить российскую армию, и, во-вторых, способствовать избавлению «людей нашего закона от турецкого ига». Таким образом, 12 ноября 1768 г. было положено начало «греческому проекту».

Е.В. Тарле пишет, что Панин «никак не может одобрить этого мероприятия..., и узнает об экспедиции, когда все уже было решено, и даже некоторые важные приготовления сделаны»⁴. Однако архивные документы свидетельствуют об обратном. Президент коллегии иностранных дел Панин с самого первого дня образования Совета при Высочайшем Дворе являлся его активным членом. Он не только не был противником отправки флота на острова Эгейского моря, но и непосредственно занимался вопросами разработки «греческого проекта». 22 января 1769 г. на заседании Совета он зачитал «заготовленную грамоту к греческим и славянским народам», полномочия, предоставлявшиеся графу А.Г. Орлову, который находился в Италии, и высочайшие рескрипты на имя российского поверенного в Венеции маркиза М. Маруцио.

Тарле также пишет, что Орлов в своих письмах из Италии сообщал о готовности «христианских подданных Порты» к восстанию, и о том, что приход российских кораблей только ускорит события. Однако согласно рескрипту, данному Екатериной II Орлову 29 января 1769 г., ему предписывалось «приводить все тамошние народы в тесное между собой единомыслие», убеждать всех православных христиан в целях избавления от «несносного ига неверных» объединять силы, братья за оружие и начинать восстание, поскольку порознь поднять народ на какое-либо выступление довольно трудно. Императрица пишет Орлову, что российскому поверенному в делах в Италии маркизу Маруцио «новеление дано перевести до двухсот тысяч рублей в полную вашу диспозицию. Деньги вам надобны будут для приобретения на свою сторону лучших людей между разными народами, дабы способом сим приводить в движение целые кучи»⁵.

Отправляя эскадру в Архипелаг, кабинет Екатерины II делал политическую ставку на грамотно проведенную пропаганду и подкуп, с помощью чего возможно было рассчитывать на массовые выступления греческого населения Архипелага. В этой связи возникает вопрос: как мог Орлов, находясь в Ливорно, знать о готовности греков к борьбе против турецкого господства? Какими источниками информации он пользовался? Обращение к нему не-

скольких греческих воевод с просьбой о помощи со стороны России не означало, что весь греческий народ готов был взяться за оружие и вместе с русскими вести национально-освободительную борьбу.

10 февраля 1769 г. на Совете был зачитан «проект путешествия эскадры в Средиземное море». Планировалось подготовить три корабля и два фрегата, но затем к протоколам была приложена собственноручная записка императрицы: «Нарядить эскадру, состоящую из 7 линейных кораблей, одного фрегата, двух пакетботов да 4 пинков для провианта. На оную эскадру посажены будут 10 рот, полагая основание каждой роты по 25 человек, считая в том числе офицеров. Артиллерию разных калибров с принадлежащими снарядами, 4 тысячи ружей, тысячу карабинов и 500 драгунских ружей»⁶. В начале июля Панин отправляет секретные депеши всем российским послам, аккредитованным при европейских королевских домах, с извещением о начале экспедиции в Средиземное море.

В Российском государственном историческом архиве были обнаружены подлинные секретные (на протяжении XVIII – первой половины XIX в.) документы, позволяющие оценить масштабность финансовой стороны проблемы. В марте 1769 г. императрица подписала именной указ, данный на имя президента военной коллегии графа Чернышева, вице-канцлера князя Голицына и генерал-прокурора князя Вяземского. Им предписывалось совершить поездку в Амстердам для проведения переговоров с банкирами Р. и Т. де Сметами с целью подписания финансовых контрактов. Основным предметом переговоров было получение от голландских банкиров кредита на сумму 7,5 млн гульденов, причем деньги нужно было обменивать на червонцы и доставлять в Петербург. В течение десяти лет Россия обязалась выплатить банкирскому дому де Сметов кроме основного долга еще 80 тыс. гульденов по процентам⁷. Посредниками в этой долговременной финансовой сделке становились российские и голландские купцы.

2 апреля 1769 г. императрица объявила о выпуске облигаций достоинством в пятьсот тыс. гульденов каждая, которые поступали к амстердамским банкирам и подлежали постепенному у них выкупу. Проценты с облигаций Россия должна была выплачивать в течение десяти лет в размере пяти процентов годовых. Особо оговаривались гарантии займов: за себя и за своих преемников престола своим «императорским словом» Екатерина обещала, что в случае неожиданного разрыва дружеских отношений с Генеральными Штатами облигации не подлежали ни аресту, ни конфискации. Императрица намеревалась раскисляться за кредит доходами, получаемыми от пошлинного сбора со всех ввозимых товаров в прибалтийские города — Ригу, Пернов, Ревель и Нарву, а также от других доходов, поступающих в казну, с начислением и уплатой процентов по займу.

После достигнутых договоренностей 13 октября 1769 г. Екатерина II направляет Чернышеву, Голицыну и Вяземскому второй указ: «Голандские банкиры Ян Дерк и Вильям вон Воленгвогены представляют свою готовность к даче Нам займа миллиона рейхсталеров. Повелеваем вам учредить с ними негоциацию во всем на таком основании, как вам поручена с амстердамскими банкирами де Сметами»⁸. 6 марта 1770 г. начались переговоры и с генуэзским банкиром маркизом М. Дурацио о предоставлении России займа на тех же условиях, что и первый на сумму 500 тыс. пиастров. В сентябре 1770 г. с ним подписывается контракт, а ровно через два года российский поверенный в делах в Италии Маруцио переводит из Генуи в Ливорно на имя графа А.Г. Орлова 1 млн 341 тыс. 955 ливров. Тогда же, в 1772 г. возникают первые проблемы с выплатой процентов по занятой сумме, которая даже еще не была полностью предоставлена России. Чернышев, Голицын и Вяземский доносили императрице о «затруднениях с сей негоциацией» и предлагали Екатерине II больше у генуэзцев никаких денег не занимать. Придворный банкир барон Иоганн Фридерикс пообещал занять такую же сумму (500 тыс. пиастров) в Голландии, но на более приемлемых условиях, чем в Италии, на что получил согласие императрицы⁹.

Размеры финансирования экспедиции в Эгейское море, таким образом, составили гигантскую по тем временам сумму, куда входили российские червонцы и ефимки. Командующих эскадрами снабжали векселями для погашения в банках Лондона и Амстердама, а также ассигнациями и наличными деньгами в разной иностранной валюте. Адмирал Спиридов, например, получил 20 000 ефимков, около 18 000 рублей, 22 137 голландских гульденов. Адмиралтейств-коллегия исправно выполняла указы императрицы.

В кронштадтские портовые провиантские магазины в срочном порядке везли порох, запасные якоря, такелаж, пеньку, парусину, канаты, из Архангельска крутыми партиями доставляли лес. 3 апреля Спиридов выступил в коллегии с первым отчетным докладом о ходе подготовки к экспедиции. Он сообщил, что эскадре требовалось 68 000 пудов сухарей, 3000 пудов муки, столько же соли, около 29 000 пудов соленого мяса, столько же пудов различных круп, 50 000 ведер пива, 21 600 ведер вина, 4500 ведер уксуса. 17 июля 1769 г. Балтийская эскадра под командованием адмирала Спиридова в составе семи кораблей, фрегата, двух пакетботов, четырех пинков и бомбардирского корабля, полностью готовая к отплытию, стояла на кронштадтском рейде.

18 июля Екатерина II в сопровождении фрейлины А.А. Полянской, графа Чернышева, графа Орлова, своего статс-секретаря С.М. Козьмина, сенатора С.Ф. Стрекалова и полковника Глебовского «соизволила идти на двух шлюпках к Кронштадту к отправляющемуся в море в поход флоту». Императрица «прибыть соизволила на корабль флагманский, имянуемый «Ефстафий», на котором встречена того корабля офицерами, причем играно на трубах с литаврами. На оный корабль прибыли Адмирал Мордвинов и Главнокомандующий над флотом генерал-аншеф и кавалер Спиридов, и проходили к Ея Величеству и приносили всеподданнейшие свои поклонения. Ея Величество соизволила повелеть флагману Спиридову, чтоб позвать на корабль с прочих кораблей и фрегатов командиров и офицеров... А как все съехались, то Ея Величество офицеров к руке жаловать соизволила. С желанием благополучного их в пути продолжения, соизволила пить сладкое вино кубком и повелеть соизволила всем офицерам поднести по кубку шампанского»¹⁰.

Известие о походе в неведомую и далекую «Медитерань» матросы, в отличие от офицеров, встретили неоднозначно. В судовом журнале корабля «Три Иерарха»¹¹ есть запись о том, что перед отправлением эскадры в поход по приказу адмирала Спиридова был взят под стражу матрос 2-ой статьи М. Ерыгин, который во время стоянки на якоре в Кронштадте пытался совершить побег, «а за порезание у себя вен наказан был кошками и записан в прохвосты». Следует отметить, что российские офицеры еще не имели практического опыта плавания дальше Балтийского моря. Отправляясь в Средиземное море, они полагались на командира корабля «Три Иерарха», шотландца, состоявшего на русской службе, капитан-командора С.К. Грейга, так как он один обладал опытом плавания, соответствующими знаниями и мог оказать эскадре существенную помощь. 19 июля корабли покинули кронштадтский рейд. Так начиналась Первая Архипелагская экспедиция, благодаря которой Россия приобрела значительный вес в европейской политике.

В донесении вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Чернышеву Спиридов писал, что до Готланда шли сначала, «терпя большие ветры», затем начались «крепкие ветры и мрачные погоды», препятствовавшие идти до Копенгагена. Многие корабли получили серьезные повреждения, от сильного ветра ломались стеньги (верхняя часть мачт), росло число больных. Часть кораблей вынуждена была уйти в Ревель для ремонта. Экспедиция, задуманная как секретная, после перехода кораблей через датские проливы утратила этот гриф. Европейские державы по-разному смотрели на поход российских эскадр: одни с насмешкой, а другие, как пишет С.К. Грейг — с завистью¹². В Копенгагене Спиридова навещил российский чрезвычайный посланник М.М. Философов, который помог решить вопросы обеспечения эскадры продовольствием — свежим мясом, зеленью, сахаром, необходимыми для больных матросов. Большую помощь российским морякам оказало и датское

Адмиралтейство, снабдив эскадру водой и предоставив лонманов для проводки судов. Командиры кораблей с эскадры Спиридова были представлены датскому королю Христиану VII и королеве Каролине-Матильде. Вдогонку эскадре нарочный курьер, специально прибывший из Петербурга, привез Спиридову личное послание Екатерины II, в котором она просила Григория Андреевича «превозмогая все трудности стараться наискорее, не дожидаясь от чего медлительности», поспешить продолжить предписанный вояж.

12 сентября эскадра покинула копенгагенский рейд. За время дальнейшего следования положение эскадры усугубилось тем, что после дождей внезапно наступила стужа. Матросам иногда негде было высушить одежду, общее число больных в эскадре увеличилось до 600 человек, в том числе 200 тяжелых. Единственным ближайшим портом, куда можно было ввести большие корабли, была Гульская гавань. Спиридов отмечал, что вся Европа с интересом наблюдала за теми усилиями, которые русские предпринимали для спасения своих братьев-единоверцев, а «господа англичане с улыбками» говорили о стоянке эскадры в Гулле. Пока там находились российские корабли, С.К. Грейг помогал офицерам общаться с представителями английских властей и устно и письменно переводил с английского.

На переходе от Портсмута к Гибралтару сильный шторм разбросал корабли. Адмирал Спиридов один на своем флагманском корабле «Святой Ефстафий» пошел прямо в Порт Магон на острове Минорка, где находилась английская крепость. Он приказал салютовать крепости девятью выстрелами из пушек, а при заходе в Порт Магон встретил дружеский прием «как со стороны тамошнего губернатора господина Фокстона, так и со стороны всего аглицкого народа». 29 ноября на острове в греческой церкви Успения Пресвятой Богородицы состоялась пышная церемония празднования тезоименитства Екатерины II. Руководил церемонией иеромонах флота архимандрит Ефстафий, а проводить службу ему помогали два греческих иеромонаха. В донесении императрице Спиридов писал, что такого «Порт Магон не только никогда не видал, но и не слышал, и народу было множество, в том числе и губернатор со своею фамилиею и другою сего острова знатию»¹³. 4 декабря на Минорке все российские корабли первой эскадры соединились и продолжили поход в Эгейское море.

9 октября 1769 г. из Кронштадта в Средиземное море вышла вторая эскадра под командованием контр-адмирала Д. Эльфинстона. 31 мая 1770 г. Совет при Высочайшем Дворе утверждает посылку в Средиземное море третьей эскадры Балтийского флота под командованием контр-адмирала И.П. Арфа, отпуская ему на «чрезвычайные расходы» 200 тыс. рублей. На том же заседании граф Панин высказывает мысль, «что он за пужное признает отправить курьера к графу А.Г. Орлову с тем, чтобы он, смотря по обстоятельствам, мог внушить тамошним народам, дабы они от себя манифестом отозвались ко всем христианским державам, что они, не стерпя порабощения магомстан, приняли оружие для свержения с себя неспасного иига, и что по тому призывают они сии державы себе на помощь»¹⁴. Однако манифеста, столь ожидаемого Петербургом от своих единоверцев, так и не последовало, и 19 июля 1770 г. Екатерина II направляет Орлову очередной рескрипт с предписанием объединить «разные греческие народы» в единый корпус, который, наконец, восстал бы против своего тирана.

Перед тем как отправить Орлову наставления императрицы, Панин предложил к рескрипту свои краткие размышления о большой политической значимости «греческого проекта». Он разъяснил, что замысел Екатерины II состоял в том, чтобы после освобождения от турецкого владычества (путем всеобщего выступления после прихода российских военно-морских сил) образовать из греческих провинций некий объединенный «корпус», который выдвинул бы своих представителей для участия «во всенародных делах». Цель такого участия заключалась в том, чтобы представить сообществу «христианских держав» публичный акт, содержащий просьбу о помощи и заступничестве «в делах несчастных христиан, восставших против своего заключения»¹⁵.

Каждая «христианская держава», в свою очередь, должна будет обязательно внять просьбам своих единоверцев и откликнуться на их призывы о помощи.

По мнению Панина, убедительным примером для греков могло бы послужить «отложение соединенных Нидерландских провинций от тиранской власти Гишпанского дома». Задумывая «греческий проект», Екатерина II исходила из предположения о перманентности восстаний «островных» греков с приходом российских кораблей. Она хорошо понимала, что для его осуществления нужны были просвещенные и образованные греки, которых еще предстояло найти. Поэтому в инструкциях Орлову Панин предлагал настойчиво искать греков, «которые могли быть вам способным к тому орудием». Тогда при дворе еще не знали о победе российского флота над турецким в Хиосском и Чесменском сражениях. Однако политический расчет императрицы не оправдался, и «греческому проекту» не суждено было осуществиться ни до знаменитого сражения в Чесменской бухте¹⁶, ни после.

В российской историографии прочно утвердилось мнение, что греческое население повсеместно встречало приход российского флота и войск как своих освободителей, и на островах Эгейского моря происходили его выступления против турецкого владычества, особенно после Чесменского сражения¹⁷.

После победы российского флота над турецким в Чесменском сражении в порту Ауза на острове Парос была создана база флота, организовано крейсерство российских кораблей в акватории островов греческого Архипелага и начата блокада Дарданелл с целью не допустить выхода турецкого флота из Константинополя в Средиземное море. Крейсирующие корабли должны были действовать и на главных турецких морских коммуникациях, пресекать подвоз продовольствия и боеприпасов как в Константинополь, так и к тем островам и крепостям, которые оставались занятыми турецкими войсками.

В октябре 1770. из порта Ауза «на все острова Архипелагские» распространяется официальное обращение графа Орлова: «Приказывается вам, чтоб вы во всем всегда готовы и послушны были приказаниям от Григорья Спиридова, адмирала над Российским флотом. Что он будет вам приказывать, то вы и исполняли Ево приказания со всякою скоростью. А если вы не будете послушны, за то будете штрафованы без милости. А как получите сей приказ, то по прочтении отослать на другие острова»¹⁸. Изучение документов из канцелярии Спиридова позволяет утверждать, что за все время пребывания российских военно-морских сил в Архипелаге повсеместных организованных выступлений греческого населения против турецкого господства не было. К числу локальных, произошедших до Чесменского сражения, можно отнести восстание греков-майнотов, населявших Морею.

Первоначально их отряды, численностью до 8 тыс. человек, присоединились к российским войскам и принимали участие в штурме турецкой крепости Миситрии, однако в последующих боях они, как отмечал С.К. Грейг, «побросали оружие и пустились бежать, не оказывая даже признака сопротивления». Греки не пришли на помощь небольшому русскому отряду, оказавшемуся в окружении турецких войск. Отзывы адмирала Спиридова о майнотах весьма не лестны. Для него «майноты, хотя и греческого закона, но есть совершенные воры и разбойники, и токмо к грабегам, а не к победам склонные, что показалось в Морею. Многие тысячи оных вооруженных майнотов пред малым числом турок, сберегая свою жизнь, ударились в бегал., и тем оставили наших одних самое малое число пред множеством турок».

Граф Орлов в письме к императрице писал: «Здесь народы лстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы; лакомы к деньгам и к добыче, так что ничто удержать не может их к сему стремлению. Легковерие и ветренность, трепет от имени турок суть не из последних также качеств наших единоверцев. Закон исповедают едиными только устами, не имея ни слабого начертания в сердце добродетели христианские. Привыкли жизнь вести в распутстве, ненавидящи всякого порядка, и не зная, каким способом приступить к оному, пребывают ежеминутно в смятении духа. Рабство и узы прав-

ления турецкого, на них наложенные, в которых они родились и выросли, также и грубое невежество обладает ими. Сии то суть причины, которые отнимают надежду произвести какое-нибудь в них, к их общему благу, положение»¹⁹.

Узнав о поражении в Морею, Екатерина II соглашается с тем, что морейская экспедиция не удалась «по причине сродной грекам трусости, легкомыслия и предательства». Не дожидаясь от греков помощи русским освободителям, 12 января 1771 г. Спиридов пишет «Первое объявление приматам четырнадцати островов». В нем он выражает «соболезнование» о некогда храбром народе, который пришел «в таковой великий упадок храбрства, что турок стали бояться как малые дети страшилищ». Спиридов упрекает греков за то, что они совершенно не учитывали тех трудностей, с которыми столкнулись российские моряки прежде чем дойти до Средиземного моря ради их же, греков, спасения. Он пишет, что Екатерина II, отправляя флот в Архипелаг, рассчитывала на то, что греческое население не пожелает больше находиться в рабстве у турок и присоединится к русскому оружию для совместной борьбы против Порты.

Далее Спиридов взывает к грекам — нельзя же надеяться только на русские военно-морские силы, нужно и самим приложить усилия и начать бороться вместе. Адмирал как бы иронизирует, напоминая грекам, что «кораблями действие всегда бывает с моря, что корабли по берегам не ездят, а производятся внутри берегов дела людьми». В то же время он серьезно опасается того, что большая часть населения, веками находясь в рабстве и подданстве у турок, уже ассимилировалась, приобрела «немало турок друзей знатных» и просто не захочет восстанавливать «древнюю греческую вольность».

В заключении своего обращения к грекам Спиридов приказывает им: «Не боясь турок, публично отказаться от рабства и подданства турецкого, и турок на острова свои не пускать. Но и при всяком случае неприятелей и злодеев ловить, грабить и убивать». Согласно его приказу каждый остров должен сформировать несколько вооруженных отрядов, которым со стороны россиян будет оказываться военная помощь и обеспечиваться защита населения. С турками же им приказывалось «никакого сообщения и переписок тайных не иметь. А ежели узнано будет, то таковые без всякой пощадки казнены будут». Кроме того, Григорий Андреевич обещает, что в случае, если греки с островов, освобожденных российским флотом, решатся перейти под покровительство России, то им за это «все милости и снисхождения показаны будут», и защита тех островов от турецких набегов будет им обеспечена²⁰.

Спиридов распорядился, чтобы греки представили ему ведомости о размерах налогов, которые они платили капудан-паше²¹ и другим туркам, после чего решил, что небольшую часть своих доходов местное население должно отдавать в пользу российских военно-морских сил. 28 января 1771 г. он уже официально объявляет «господам приматам и всем обывателям острова Парос» об установлении десятины. Сбирать «натуральные» налоги должны были три депутата, выбранные греками, само же население призывалось отдавать «десятую долю со всех продуктов беспрекословно и с добрым сердцем». При сборе десятины депутаты должны были «поступать во всем справедливо». Аналогичное уведомление было направлено жителям острова Наксия. После обращения к населению острова Парос Спиридов просил передать его письмо жителям других островов, а их представителей прислать ему письменный ответ.

3 февраля 1771 г. в Аузу приходит ответ: три греческих архиепископа и один иеромонах во главе с митрополитом Наксийским Анфимом от своего имени и от имени паствы обращаются к адмиралу Спиридову с просьбой «всех греческого исповедания православных христиан» препоручить «в покровительное защищение крыл Ея Величества». 14 февраля с просьбой о защите их епархий от «безбожных агарян» к Спиридову обращаются, как они подписались, «богомольцы» пяти островов. 20 февраля Спиридов получает весьма любопытный ответ с объяснениями причин, по которым греки так

долго не давали о себе знать российской администрации. Текст был подписан старостой острова Анафия Иоанном Николой, который, в частности, пишет: «Приносим извинения в том, что мы к вам долго не приезжали, потому что у нас было только одно судно, и то было послано по островам с письмами, а по пришествии того судна к нам обратно — за кренкими и противными ветрами. А при благополучном востре сюла к Вашему Высочество-превосходительству приехали, прося милосердия о принятии нашего острова и нас в подданство».

В феврале 1771 г. в российском подданстве состояло 18 греческих островов — цифра сравнительно небольшая, если учесть, что в Эгейском море насчитывалось около тысячи больших и малых островов. Спиридов в письме Орлову пишет, что «от нынешнего подданства греков, кажется, пользы нам никакой нет, а состоят еще и убытки в прокормлении бедных». Польза, по мнению адмирала, состояла в том, чтобы получать от них десятую часть урожая продуктами или деньгами. В его «протоколе секретных дел» зафиксировано, что из мест российского присутствия в Архипелаге постоянно происходит утечка информации к туркам. В то же время Спиридов надеялся, что «Зефир-бей²² от шпионов и недоброжелателей нам греков не более сведущ об нас, как мы об нем. Нам больше лгут, нежели правду сказывают, особливо такие бездельники греки, которые имеют свои интересы и дружбу с турками. Мы об наших намерениях от служащих нам греков должны всё таить»²³.

Корабельный состав флота, базирующегося в порту Аузу, по сравнению с объединенными флотами противника (на стороне Турции воевали Алжир, Тунис и Египет) был невелик. К тому же часть российского флота под командованием Орлова подолгу находилась в Италии в Ливорно, некоторые суда проходили ремонт в порту Ферраро на острове Эльба. Иногда один корабль или фрегат имел довольно обширный район патрулирования, и в крейсерстве офицерам всегда было очень напряженно из-за опасения встретиться с превосходящими силами противника.

В Аузу неоднократно поступали сведения о выходе крупных сил турецкого флота из Дарданелл, что усиливало тревогу и первоначальность в порту, поскольку не было точно известно о степени достоверности этих сведений. Оставлять главную базу флота без обороны было нельзя. Поэтому приходилось прибегать к услугам так называемых «шпионов» — греков, которые соглашались за плату под видом торговцев курсировать между островами и собирать различные сведения и слухи о передвижениях и дислокации турецкого флота. Однако полного доверия таким «шпионам» не было, так как зачастую они становились «двойными», получая деньги как от русских, так и от турок.

В «протоколах секретных дел» адмирала Спиридова содержатся сведения и другого характера. Некоторые греки — владельцы больших судов на основных торговых коммуникациях промышляли морским разбоем. Однажды в порт Аузу российский крейсер привел одно греческое и небольшое французское торговое судно, которое называлось поляка, взятых вблизи Афин. Командиру российского корабля показалось подозрительным то, что французская поляка шла под конвоем корабля с российским флагом, и последний не отвечал на пароль и старался уйти. В ходе расследования выяснилось, что владелец судна грек Д. Мирофор занимался тем, что захватывал суда нейтральных стран, а товары и груз брал «в приз». Причем действовал он под видом русского крейсера и под российским флагом.

Григорий Андреевич пишет: «на другой день явился ко мне, адмиралу Спиридову, француз Бонифас Рустон с письмом от французского консула в Афинах, и доносил он, Рустон, о показанной поляке, что она ево, взятая у Афин греческим судном под российским флагом». Д. Мирофор оказался уроженцем острова Специи, жители которого не приняли российского подданства и платили Турции ежегодную дань. Спиридов пишет, что «то греческое судно оказалось воровское..., при обыске нашли спрятанный флаг из холстины, шитый таковой, как Российские при флоте суда имеют. Грек Мирофор

объявляет, что сделал его якобы для того, когда принят будет в Российский флот в службу, тогда мог поднять, а прежде его никогда не поднимал».

В порту Ауза существовала инфраструктура, обеспечивающая жизнедеятельность флота. В структуру администрации входила и так называемая Адмиралтейская комиссия военного суда, образованная для ведения такого рода дел. После рассмотрения дела грека Мирофора Спиридов заявил: «С объявлением комиссии, признавая ево за вора и морского разбойника, я, адмирал Спиридов, согласен». Он подчеркнул, что строго выполнял и будет выполнять высочайшее повеление императрицы о защите торговли нейтральных государств и о недопустимости пиратства на море. Наказание греку определили суровое: его, «яко вора и морского разбойника», приговорили к смертной казни через повешение на ноге рея. В то же время судебная комиссия сочла, что «команда ево, грека, тоже бы казни подлежала», однако следствие показало, что экипаж следовал лишь «слепому послушанию» командира, «не мысля о худости оногo дела».

Судебная комиссия постановила: «как смертного убийства никому не учинено, но, однако, в страх другим на том же их судне всех двадцать пять человек сечь пешадно кошками и, заковав в железа, отослать вечно на каторгу». Трех же малолетних, «ничего не знающих, но при тех бездельниках бывших, дабы от малолетних отвести к бездельническим делам отвращение, высечь батогами и не спускать с судов как невольников»²⁴. Было решено публично огласить приговор и копию решения судебной комиссии передать французскому консулу в Афины. Владельцу шхуны француз Рустону вернули судно, а стоимость недостающих товаров и вещей компенсировали деньгами, отобранными у греков.

Отношение некоторых греков к русским проявлялось не только в случаях с торговыми делами. Намного серьезнее и опаснее было проявление их враждебности в ходе боевых действий и столкновений с турками, когда греки сражались на турецкой стороне. В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ) хранятся записки командира корабля «Три Святителя» капитана 2-го ранга С.П. Хметевского. Он принимал участие во всех боевых операциях российского флота в водах греческого Архипелага и оставил воспоминания об экспедиции. Хметевский, например, пишет, что греки, воевавшие на стороне турок, «где есть оказия, русского застрелить случая не упустят»²⁵.

В документах адмирала Спиридова встречаются его приказания, относящиеся не только к боевой, но и к повседневной, бытовой стороне жизни флота. К такого рода распоряжениям относится вопрос о заготовке и доставке в Аузу сухарей, которые в большом количестве пекли на острове Тино, грузили на корабли и отправляли в порт. В одном из «ордеров», данных контр-адмиралу И.П. Арфу, Григорий Андреевич просит: «К понуждению скорейшего их изготовления и привозу к нам послана команда. Однако Ваше Превосходительство, зная уже лени греческие, не упустите и сверх оной команды еще послать. Упрямящихся под караулы брать и принуждать, чтоб без замедления в самом скорейшем времени все сухари, хорошо изготовленные, на корабли доставлены были».

О лени греков, живущих на острове Парос, и их нежелании добывать себе пропитание трудом пишет в своем журнале Хметевский: «Жителей леньность весьма великая. Они голы и голодны, питаются одной травой, и вид их показывает одну человеческую тень. Ленивы и ни к какой работе не складны, что лучше есть одну траву и ходить голым, только работать не хотят. Брал я таких, без хлеба шатающихся, к себе на корабль в службу, с жалованием по четыре пиастра в месяц, но они не уживались. Привыкли быть в праздности и лучше бльем питаться, нежели работать. Можно сказать, что вся Греция имеет неограниченную леньность»²⁶.

Далее он пишет, что некоторые греки питаются травой, морскими ракушками и улитками — «одним словом, едят всякий вздор, только бы их леньность и праздность была вольною. Нашел я грека, молодого человека от двадцати до

двадцати пяти лет от роду, который питается бильем травным, худ собой и весь почти гол. Я взял его к себе на корабль в службу, давая ему провиант, равно как своим матросам, и по два рубля с полтиною на месяц денег. Но он, пробыв двое суток, быть на корабле не захотел: лучше будет в праздности, есть траву и ходить голым, нежели быть под какою-либо властью».

Конечно, среди коренного населения островов Эгейского моря были греки, воевавшие на стороне российского флота — им поручалось командование небольшими судами — шебеками и соколами. Однако по документам таких греков проходит совсем немного и полного доверия им все же не было. Значительно больше симпатий у русских вызывали албанцы. Отряды, сформированные из албанских добровольцев (так называемые «нерегулярные» войска численностью до 20 тыс. чел.), вместе с российскими войсками сражались против турок и действовали достаточно эффективно. Вместе с тем, ни в одном из источников не было найдено сведений об аналогичных отрядах греков, воевавших за свою независимость на стороне России.

Справедливости ради надо отметить, что албанцы сражались и на стороне Турции. Хметевский приводит сюжет, как в октябре 1770 г. в Аузу поступила информация о прибытии в город Ковалло крупных сил албанцев — примерно до пяти тысяч человек, воевавших вместе с турками. Для проверки этих сведений к Ковалло было отправлено несколько солдат под его командой. На полуострове они приблизились к городу, где «увидели по стенам народу великое множество, с крепостей по нас палили, но мы шли на гребле не так близко, поэтому ядра не долетали». Хметевский пишет, что проходя на веслах мимо гавани, они были замечены турками: «и вдруг с великою скоростью галеры, полугалеры и еще о многих веслах барказ, с великим числом людей, погнались за мной, и гнавшись верст с пять, сделав великую из пушек пальбу, поворотили назад».

Тем временем в Петербурге 8 марта 1771 г. члены Совета при Высочайшем Дворе с личным присутствием императрицы собрались на заседание, посвященное обсуждению ситуации, сложившейся в Архипелаге после Чесменского сражения. Поводом к экстренному созыву Совета послужил приезд из Италии в Петербург графа Орлова и его всеподданнейшая «реляция» с подробным описанием всех событий, которые произошли в водах Эгейского моря после 26 июня 1770 года. Во время своего выступления в Совете Орлов «описывал нравы архипелагских жителей, и сколь мало на них полагаться можно». В протоколе Совета есть запись, на основании которой можно предположить, что четкого плана дальнейшего ведения боевой кампании в Средиземном море у Алексея Григорьевича не существовало: «Совет желал, наконец, знать мнение его, генерала графа Орлова, о будущей кампании. Но он изъяснялся, что желает наперед знать постановление оно, в чем состоят намерения и цели той кампании, и что тогда представит он, возможно или невозможно провести то в действие. А потому Совет пригласил его приехать в будущее заседание»²⁷.

Следующее заседание Совета по архипелагским вопросам состоялось 14 марта 1771 года. В протоколе Совета записано, что на заседании присутствовал граф Орлов, и «при нем читаны изготовленные к нему рескрипты: один о действиях командуемого им в Архипелаге флота в будущую кампанию, а другой о заключении мира с Портою. Граф Орлов... изъяснился, что приобретение в Архипелаге острова²⁸ находит он весьма разорительным потому, что это не кончило, а более продолжило войну с турками и вовлекло нас также в распри и с христианскими областями». По мнению Орлова создавать на островах российские базы невыгодно, так как их нужно укреплять, оборудовать и т.д., то есть вкладывать большие деньги, как это было сделано в Аузе, а вероятность того, что эти укрепленные базы будут впоследствии удержаны и не попадут в руки турок была крайне мала, поэтому Орлов предлагал отказаться от продолжения войны.

Убеждая присутствующих в необходимости заключения мира с турками, он говорил, что с ними лучше торговать, чем воевать. Кроме того, у главно-

командующего не было уверенности в том, что захваченные у Турции острова можно удержать теми силами, которые оставались в его распоряжении. На заседании Совета 17 марта Екатерина II высказала пожелание, что приобретение в Архипелаге острова «желает она более для того, чтоб турки имели всегда в глазах знак полученных нами в сию войну над ними преимуществ, и были бы умереннее в своем с нами поведении». К тому же укрепленный российский форпост в недрах Османской империи служил бы залогом успеха свободной торговли и мореплавания. Однако она совсем не хотела, чтобы «сие желание Ея было препюном в восстановлении мира»²⁹.

22 марта 1771 г. императрица ставит финальную точку в «греческом проекте». Ее письмо Орлову можно условно разделить на две части: в первой подводится итог задуманному плану, а во второй ставятся главные задачи флоту. По первому вопросу она написала: «нельзя более считать³⁰ на диверсию и содействие в праведной Нашей войне греческих, туркам подвластных, народов по причине свойственной им врожденной склонности к рабству и совершенного в их характере легкомыслия»³¹. Инструкции, данные флоту, заключались в том, чтобы продолжать блокаду Дарданелл, пресекать подвоз продовольствия в Константинополь и тем самым вынудить турецкое правительство заключить мир; занять поблизости от Дарданелл один из островов в Архипелаге, где есть удобные порты.

В 1772 г. с Турцией было заключено перемирие. В августе того же года Орлов в письме Панину высказал свои размышления о политической ситуации, сложившейся в Эгейском море, и предложил план дальнейших действий российского флота. Он говорил, что «робость и неверность греков в самом открытии сей экспедиции заградили нам все пути к сухопутным предприятиям и заставили устремить все силы наши на действия морские». Но несмотря на успехи, сопутствовавшие россиянам в начале экспедиции, на данном этапе флот не может выполнять других задач, кроме как «пресекать подвоз съестных припасов в неприятельские места... а истощение сил наших продолжается, ибо как казна излишний расход терпит. Корабли ветшают, люди естественными случаями убавляются будут, и так мы ущерб во всем без всякого возмездия претерпевать должны».

Ситуация для графа уже ясна и его вывод однозначен: «не предвижу я в пребывании здесь флота дальнейшей надобности, разве, что здешние места содержать в тревоге нужно». Орлов полагает, что оставшиеся в Архипелаге силы после заключения мира нужно перебросить на Черное море и уже там впоследствии воевать с турками. В водах Эгейского моря военным действиям российского флота всячески мешало строгое соблюдение правил поведения с кораблями нейтральных государств, которые осуществляли поставки Турции продовольствия. На Черном море, по мнению Орлова, во время ведения боевых операций эти условности не будут сковывать действия флота³².

В 1773—1774 гг. у Турции оставались такие крупные и стратегически важные острова, как Лемнос, Тенедос, Родос, Цегропонт и др. На этих островах шло строительство фрегатов и галер, которые вместе с судами, приходящими из Дарданелл, пополняли турецкий флот. 23 мая 1773 г. Спиридов отправляет контр-адмиралу А.В. Елманову «ордер», в котором определяет цели дальнейшего присутствия российских военно-морских сил в Греции: «По состоящему военному времени ныне флоту иного здесь сделать нечего, как содержать азиатический и европейский в Архипелаге берега и острова во всегдашней тревоге, дабы тем турки удерживаны были от их шествий к главной армии, и удерживать турков при своих селениях и местах. Однако для большей тревоги где возможно сделать на их берегах и островах десанты под прикрытием флота. Причиняя неприятелю вред и разорение, не подпасть нашим людям самим в гибель и в большую трату. Также и корабли зберечь»³³.

Крупные десантные операции российскими военно-морскими силами были осуществлены у турецких крепостей Метелино (до перемирия), Будрума и Станчио (после его разрыва). Готовясь предпринять нападение на Будрум (анатолийский берег) и занимаясь разработкой деталей операции, Спири-

дов заботился также о подкреплении физических сил десантных войск. Намереваясь улучшить им питание, адмирал отдал распоряжение: «для десантных людей не худо, чтоб заготовить быками свежее мясо, и перед десантом оное сварить. Каждому взять свой кусок около фунта весом. Также каждый может взять с собою сухари на сутки-двое, да нехудо отпустить с ними и манерки со свежеею водою, чтоб без пищи не обессилили, а без питья не истомились... Стараться сколько возможно в Будруме и в Станчио о получении провиантов для пищи всему войску. Сказывали, что в Станчио, а особливо в Будруме были провиантские магазины, и что туда из Александрии и Туниса и на нейтральных судах приваживали пшено сорочинское, кофе и пшеницу. И ежели ныне есть магазины, то из оных бы получить погрузкою на наши суда, а ежели получить не можно, то старатца те с хлебом магазины сжечь и разорить... Неприятельские суда за невозможностью вывести сжечь»³⁴.

В результате бомбардировки Будрума с моря и действий российских десантных войск совместно с албанскими отрядами были уничтожены лавки, магазины, стросния, подожежен стоявший в гавани фрегат, сожжена деревня и пять мельниц с хлебом. В нападении на Будрум приняло участие 1452 человека, среди них убитых и пропавших без вести россиян был 21 человек. Турки потеряли убитыми 300 человек, среди них оказался командующий турецкими войсками, сын будрумского паши и племянник Зефир-бея. Но в связи с тем, что на следующий день будрумский гарнизон получил подкрепление пешими и конными турецкими войсками, командующий операцией контр-адмирал А.В. Елманов отдал приказ о ее прекращении и отходе флота.

Высадка десанта у города Станчио, проведенная также под командованием Елманова, состоялась 6 августа 1773 года. Это операция охарактеризована Хметевским как неудавшаяся — она стоила русским военно-морским силам больших потерь в личном составе. Он пишет, что пришедшая на подмогу туркам конница вынудила российские войска отступить к морю под прикрытием кораблей. Большую же часть людей «трудно было привести в порядок», так как «многие от жара и от усталости, а может быть со страха» сошли с ума, «другие же шли и падали наземь без памяти». Когда оставшиеся в живых пришли под защиту корабельных пушек, то «лезли без памяти в воду, и от бессилия падали и тонули в море. Других от безумия вязали и перевозили на суда. Еще два офицера и пятнадцать человек солдат, молодых и здоровых, приехав уже на суда, не чувствуя боли, померли в одну четверть часа. И так несчастливая для нас баталия тем кончилась»³⁵. У Станчио в боях участвовало 1728 чел., из них 122 убито, 32 умерло от жары, 114 ранено.

Накануне подписания мирного договора Совет при Высочайшем Дворе с присутствием А.Г. Орлова снова рассматривал ситуацию в Архипелаге. В протоколе заседания от 1 мая 1774 г. пазваны цифры оставшихся в Ауге сухопутных войск — 800 человек и 15 кораблей, «из которых некоторое число доходит до такой ветхости, что уже остаются безнадежными и к возвращению сюда». На основании протокола Совета можно заключить, что его членов серьезно волновала проблема сохранения военно-политического престижа России, заработанного ею в результате одержанных побед флота в Чесменском и Патрасском сражениях. Важно было не допустить того, чтобы противник узнал о реальном положении российского флота и войск, и сохранить «политическую позитурю пред неприятелем»³⁶.

10 июля 1774 г. между Россией и Турцией был подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор. В «артикуле» (статье) 17 договора записано, что «Российская империя возвращает Блистательной Порте все архипелагские острова, под ея зависимою находящиеся». Греческое население островов Архипелага возвращалось в состав Османской империи, однако Порты обязалась не требовать от него никаких податей и не попирает «христианские законы». Российский военно-морской флот должен был в течение трех месяцев покинуть воды Эгейского моря, а Турция обязалась снабдить его всем необходимым для возвращения на Балтику.

Однако мир принес России другие приобретения — территориальные и торговые. Присутствие в греческом Архипелаге военно-морских сил России оттянуло значительную часть турецких войск с сухопутных театров военных действий, благодаря чему российская армия одерживала победы на Дунае и в Крыму. За период нахождения в Средиземном море российских кораблей полностью фактически прекратилось пиратство и корсарство на море. Русское военно-морское искусство обогатилось опытом трех крупных сражений — Хиосского, Чесменского и Патрасского, а Россия добилаь укрепления своих позиций на внешнеполитической арене.

Примечания

1. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 212, оп. 4, д. 58, л. 1.
2. Россия и Черноморские проливы. М. 1999, с. 53, 55.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1146, оп. 1, д. 1, л. 5—5 об.
4. ТАРЛЕ Е.В. Три экспедиции русского флота. М. 1956, с. 43.
5. Сборник Императорского Русского Исторического Общества (Сб ИРИО). Т. 1. СПб. 1867, с. 6—7.
6. РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 1, л. 73.
7. Там же, ф. 557, оп. 2, д. 376, л. 1—1 об.
8. Там же, д. 31, л. 1—1 об.
9. На конец декабря 1801 г. долг России Голландии составлял 6 млн 35 тыс. рублей. После Екатерины II эти долги выплачивали Павел I и Александр I.
10. Журнал камер-фурьерский. 1769 г. СПб. 1877, с. 142. Адмирал Семён Иванович Мордвинов.
11. На этом корабле главнокомандующий морскими и сухопутными силами в Архипелаге граф А.Г. Орлов держал кейзер-флаг. До него Российским флотом под кейзер-флагом никто не командовал, так как этот флаг означал достоинство генерал-адмирала или принца крови.
12. Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С.К. Грейга в Чесменский поход. СПб. 1850, с. 1.
13. РГАВМФ, ф. 190, оп. 1, д. 108, л. 24, 30—31 об.
14. РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 1, л. 218.
15. Там же, ф. 1101, оп. 1, д. 138, л. 2 об. - 4 об.
16. Произошло в Чесменской бухте в ночь с 25 на 26 июня 1770 года.
17. ТАРЛЕ Е.В. Ук. соч., с. 91; Советская военная энциклопедия, т. 1. М. 1976, с. 296; т. 7. М. 1979, с. 190.
18. РГАВМФ, ф. 190, л. 16, л. 7.
19. Сб. ИРИО, т. 1, с. 43.
20. РГАВМФ, ф. 190, оп. 1, д. 16, л. 73—77.
21. Главнокомандующий турецким флотом.
22. Сефер-бей — командующий турецкой эскадрой в водах Архипелага.
23. РГАВМФ, ф. 190, оп. 1, д. 44, л. 57 об.
24. Там же, л. 99 об.—101 об.
25. ОР РНБ, ф. 568. Пекарский П.П. № 463, л. 69.
26. Там же, л. 52.
27. РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 2, л. 25—26.
28. В протоколе не указано, о каком конкретно острове идет речь. Но поскольку на том же заседании (8 марта 1771 г.) Орлов сообщил о прекращении русскими войсками попыток овладения островом Лемносом, то можно предположить, что речь идет именно о Лемносе. Этот остров считался ключом к контролю над Дарданеллами и к владению главными коммуникациями Средиземного моря.
29. РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 2, л. 29—32.
30. То есть рассчитывать.
31. Сб. ИРИО, т. 1, с. 66.
32. РГИА, ф. 1101, оп. 1, д. 138, л. 79 об.—82.
33. РГАВМФ, ф. 190, оп. 1, д. 56, л. 2 об.—3.
34. Там же, л. 15—15 об.
35. ОР РНБ. Журнал Степана Петрова..., л. 46, 93—94.
36. РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 3, л. 183—185.